

лей поведения, возникают новые вызовы стабильности и региональной безопасности, природа которых лежит в сфере международных и межконфессиональных отношений.

*«Ислам в России: Взгляд из регионов»,
М., 2007 г., с. 85–101.*

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ ЧЕЧНИ

Чечня становится другой. Но насколько процесс ее замирения и восстановления необратим? Что радует и что беспокоит?

С одной стороны, войны больше нет. Сведения о военных потерях уступили место сообщениям о количестве прощенных боевиков. Начатая еще при Ахмаде Кадырове амнистия не прекращается. Лишним поводом для ее продления стало уничтожение в июле 2006 г. Шамиля Басаева, долгое время бывшего символом непобедимости муджахедов. Его смерть сделала их более сговорчивыми. Широкая амнистия дает возможность ощутить масштабы чеченского сопротивления, задуматься, сколько же всего было боевиков в Чечне. По словам президента Чеченской Республики Рамзана Кадырова, из рядов незаконных вооруженных формирований удалось вырвать 7 тыс. человек. По мнению бывшего президента Чечни Алу Алханова, с 2001 г. сопротивление прекратили 5 тыс. Напомним, что, по некоторым данным, в обеих войнах было убито 15 тыс. боевиков. Тысячи были взяты в плен. Нужно еще добавить «перелетов» – таких, которые приходили повоевать на время и вскоре возвращались обратно. Счет пойдет на десятки тысяч. Следовательно, федералам и их союзникам противостояли отнюдь не банды «наемников-ваххабитов»... А двухактная драма чеченской войны обретает в истории совсем иную интерпретацию.

Амнистированные идут служить в местные силовые структуры, фактически составляя их основу. Преданные Рамзану Кадырову, они обеспечивают ему контроль над республикой. Амнистия будет бесконечной, «до последнего муджахеда», хотя бы уже потому, что альтернатива ей – вечная битва с несогласными. А это чеченскому президенту не нужно, поскольку стабильность, тишина в горах и на равнине – один из главных его козырей в отношениях с Кремлём. Значение этого козыря стало еще больше после объявле-

ния Сочи столицей Олимпиады. С другой стороны, столкновения все-таки продолжаются. Сообщения о них появляются достаточно регулярно. Кто сегодня точно может знать количество муджахедов? На слуху число 450. Начальник управления уголовного розыска МВД Чечни А. Масаев уверяет, что в республике осталось 150 активных «штыков» и 350 «сочувствующих». Итого – 500. Начальник Регионального оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией на Северном Кавказе генерал-полковник милиции А. Еделев говорит о 37 бандгруппах общей численностью до 450 человек. Время от времени их ряды пополняют не нашедшие себя в кадыровской администрации, «обиженные» молодые люди. Недавно чеченский муфтий С. Мирзаев заклеил позором целых 20 парней, принявших рискованное решение стать в ряды «сопротивленцев». Неясно, сколько осталось в живых авторитетных полевых командиров. Во всяком случае, наиболее заметный из них, Доку Умаров, так и не пойман.

Кроме того, обстановка на Северном Кавказе в целом оставляет желать лучшего. Непокойно в Ингушетии. Непросто в Дагестане. По общему признанию, ситуация станет еще хуже накануне и во время избирательных кампаний – парламентской и президентской. «Непримиримым» захочется еще раз показать свою силу. Вполне возможно, что их подвигнет на это местная милиция, которая должна проявить особую бдительность и выучку в этот ответственный период.

В июле 2007 г. заместитель Генерального прокурора России И. Сыдорук сказал, что «...анализ последних взрывов, нападений на представителей органов власти на Северном Кавказе свидетельствует – это только подготовка. Надо готовиться давать отпор». А полномочный представитель президента в Южном федеральном округе Дмитрий Козак посетовал, что «работа силовых структур в ЮФО далека от идеала». Удастся ли избежать предвыборных «сюрпризов» в Чечне?

С одной стороны, в Чечне выстроена способная обеспечить стабильность политическая система. Ее удерживают три прочных каната: режим личной власти, клановость и лояльность Москве. Канаты эти теснейшим образом переплетены между собой. С точки зрения Кремля, никакая другая система в Чечне невозможна. Она вписывается в общероссийский авторитаризм и в каком-то смысле является образцовой: вот, дескать, что можно сделать даже в Чечне, если грамотно выстроить вертикаль власти. Многим ее сравни-

тельно быстрое оформление представляется почти чудом. «Явление Рамзана народу» было несколько неожиданным и в самой Чечне. По выражению журналиста В. Речкалова, чеченские политики и командиры готовились «опекать сироту...». Но первыми же шагами молодого Кадырова они были избавлены от этого труда. У средневекового арабского классика Абу-ль-Фараджа есть притча. После кончины падишаха из его покоев выходит юный наследник. «Кому из нас падишах поручил заботиться о тебе?» – спрашивают его придворные. «Владыка поручил мне заботиться о вас», – последовал ответ.

Рамзан «преодолеl» всех: тех, кто мог составить ему конкуренцию, тех, кто, с его точки зрения, не был достаточно лоялен, тех, кто просто полагал себя умнее его, наконец, тех, кто рассчитывал на особое расположение Кремля, кого он считал «московскими казачками». Назовем только три «съеденные» фигуры – бывшего президента Чечни А. Алханова, бывшего премьера республики В. Абрамова, бывшего председателя Государственного совета Т. Джабраилова. Фактически был введен и осторожный возрастной ценз: 30-летнему «юноше» не очень-то нужны 60-летние постсоветские мудрецы. Используя метод кнута и пряника, Рамзан добился контроля над двумя знаменитыми батальонами «Запад» и «Восток». Что ждет самых непокорных, было продемонстрировано на примере оппозиционера М. Байсарова, безнаказанно убитого аж в самой Москве. Кадыров вырос в национального лидера. Его энергию признают даже те, кто его критикует и «на дух не принимает». Назначенный в апреле 2007 г. председателем правительства Чеченской Республики Одес Байсултанов тотчас заявил: «После такого инициативного предшественника, как Рамзан Кадыров, мне будет трудно выполнять свои обязанности». Действительно, все инициативы в Чечне исходят от Рамзана. Его уже можно называть не Кадыровым-младшим, а просто Кадыровым. Или Рамзаном, наподобие того как Саддама Хусейна называли просто Саддамом.

Проще всего укорять Кадырова в том, что он окружил себя дальними и близкими родственниками (отец премьера О. Султанова – брат матери Рамзана), сверхлояльными людьми, что чаще всего одно и то же. Возможно, это прозвучит как крамола, но если бы Рамзан создавал свою администрацию по принципу «только не мой сородич», то он не сформировал бы ее никогда. Пользоваться применительно к Чечне критериями современной политической системы сложно. Однако кадыровский режим работает и по-

тенциал свой далеко не исчерпал. Рамзан Кадыров – образцовый популист. Он постоянно ходит в народ, обещает и раздаёт дома, больницы, деньги. Недавно в Итум-Кале несколько семей получили непосредственно из рук вождя по 100 тыс. руб. Он призвал милиционеров «более гуманно относиться к слабо защищенной категории граждан, если они не из злого умысла совершили какое-либо незначительное преступление». Глава Правозащитного центра «Мемориал» О. Орлов согласен с тем, что заметно снизилось количество похищений. С января по март 2007 г. похищено только 16 человек против 53 за тот же срок в прошлом году. Сами правозащитники признают: случись беда – обращаются теперь не к ним, а к Рамзану. И тот действительно оказывает помощь. Проблема прав человека решается, так сказать, по-семейному.

В общем, такой человек нужен Москве. Как полагают некоторые эксперты, в 2004 г. после убийства Кадырова-старшего Москва установила Рамзану «испытательный срок», и он его успешно прошел. За это время не возникло сомнения в его лояльности Центру, конкретно Владимиру Путину. Патернализм устраивал обоих. И с обеих сторон он был искренен. Постепенно российский и чеченский президенты становились заложниками друг друга. Чеченский не мог действовать без поддержки всероссийского, всероссийский – не мыслил Чечню без Р. Кадырова. С другой стороны, почему, говоря о прочности властной системы, я употребляю слово «канат»? Потому что канат рассчитан на определенный груз. Когда нагрузка становится чересчур большой, канат не выдерживает. Прочность позиции Кадырова определяется его отношениями не с президентом России вообще, а лично с Владимиром Путиным. Отсюда и мечта Рамзана о вечности путинского президентства, что косвенно подчеркивает его беспокойство по поводу дружбы с приемником Владимира Владимировича. Накануне праздника «100 дней правления Рамзана Кадырова» (14 июля 2007 г.) он в который раз предложил продлить полномочия Путина. Рамзан «заряжен» на Путина. И не может настроиться на послепутинскую жизнь. Вот она, опасность персонализации политики, излишний упор на безгалстучное общение.

Сегодня перед Кадыровым стоит почти невыполнимая задача – поддерживать добрые отношения со всеми политиками, а особенно с потенциальными преемниками. Редактор газеты «Чеченское общество» Т. Алиев писал, что наиболее удобным для продолжения политической карьеры Кадырова считается нынешний

вице-премьер Д. Медведев. Этот же журналист полагает, что Кадыров пользуется поддержкой главного официального кремлёвского идеолога В. Суркова.

Рамзан спит и видит, как бы избавиться от федерального надзора. Например, еще в 2006 г. он, тогда еще премьер, на заседании местного отделения «Единой России» (которое, кстати, сам и возглавляет) заявил, что нужно проверить деятельность Оперативно-розыскного бюро (ОРБ-2) МВД России. Он мотивировал это тем, что исчезновения людей, незаконные методы ведения следствия – дело рук именно данного ведомства. Не стану ни соглашаться с таким мнением, ни оспаривать его, но замечу: именно ОРБ-2 ведет свои дела помимо кадыровских служб, что дает возможность присматривать за ними и проводить собственные независимые расследования. Неподчиненность ОРБ-2 кадыровцам выглядит вызывающе. В феврале в 2007 г. в то время еще президент Алу Алханов провел в Грозном совещание с федеральными силовиками, начальниками УФСБ и ОРБ-2, на которое людей Кадырова даже не пригласили. Прикрыть эту «контору» пока не получается. Зато в июле 2007 г. удалось посадить ее руководителем сравнительно надежного человека – полковника И. Сургуева (впрочем, на форуме «Кавказ интернациональный» он включен в список агентов ФСБ-ГРУ). Правда, не получилось отделаться от бывшего шефа ОРБ-2 А. Хасанбекова, назначенного заместителем начальника Главного управления МВД по Южному федеральному округу (отныне он будет курировать своих бывших подчиненных).

Опора только на «ближний круг», клановость, nepoтизм несут угрозу депрофессионализации административного аппарата, да и всей системы власти. Любовью к Рамзану профессионализм не заменить. Чечне необходимы специалисты, способные высказывать собственные суждения независимо от того, что о них подумает вождь. Одной из причин краха советской системы было то, что слишком много лизали и зализывали. Очевидно, по молодости лет Кадыров этого еще не уразумел. Возможно, его вдохновляют примеры старших московских коллег. Впрочем, есть пределы доверия даже к самым близким, самым родным. Рамзан это чувствует нутром. Ведь не даром он упразднил должность вице-преьера, отвечавшего за силовой блок. Кадырову проще быть его единоличным контролером. Главное же подразделение силового блока – «нефтяной полк» численностью 2 тыс. человек – он никогда не выпускал из своих рук.

Для недавно пережившего кровавый конфликт общества диктаторско-популистская модель – это в каком-то смысле благо. Но благо временное. От долгого и бурного восхищения вождем люди рано или поздно устанут. Тем более что для чеченской политической культуры вождизм, диктаторство не характерны. В будущем – может быть, и недалеко – Чечне понадобится система сдержек и противовесов, потому что данная сегодня Рамзану Кадырову абсолютная власть в один прекрасный день может опрокинуть чеченское общество. Непредсказуемые сложности могут возникнуть также и из-за того, что по какой-нибудь причине из властного механизма выпадет «самый главный винт». Сумеет и успеет ли Рамзан уловить миг, когда ему придется отказаться от тотальной ответственности, переложив ее на политические институты, или даже слегка разделить ее с кем-нибудь из неглупых и не слишком амбициозных соратников?

Как бы ни относиться к рамзановскому режиму, его хозяйственные достижения очевидны. Парадоксально, но та стабильность, которая в Центре зачастую является синонимом стагнации, здесь, в Чечне, – основа для действия. Восстанавливаются и строятся дома, причем уже не только на центральных улицах. Прокладываются и ремонтируются дороги. Горят светофоры. Заменяются, хотя и очень медленно, подземные коммуникации. В некоторые горные аулы пришел газопровод, чего не было даже при советской власти. налаживается производство востребованных стройматериалов, работают обновленные рынки. Президент вдруг заговорил об организации «элитного туризма». Он приглашает туристов в «чеченскую Швейцарию» – в Шатой, Итум-Кале, Ведено. Один мой знакомый при словах «элитный туризм» ехидно улыбнулся. А зря: при хорошей постановке дела найдется немало заграничных людей, которые захотят за свои деньги оказаться в «лапах у диких горцев». Летают же «туристы» в космос. Весь вопрос в том, как поставить дело. Народное собрание республики планирует направить в Госдуму проект Закона «Об особых условиях предпринимательской деятельности на территории Чеченской Республики». Рамзан призывает: мы не должны делать главный упор на дотации из федерального Центра. Рассчитывать надо прежде всего на самих себя. В частности, на чеченскую нефть: «Вывозить сырую нефть для нас невыгодно... Переработка нефти позволит в шесть-восемь раз увеличить цену экспортируемого топлива».

Похоже, я сочиняю почти панегирик. Но это, наверное, протительно человеку, который видел Чечню только разрушенной. При всем этом не создается современный экономический сектор. Возникнет ли он вообще – неизвестно. Отсутствует надлежащая инфраструктура. В Чечне царит безработица, преодолеть которую в ближайшие годы не удастся. Неясна судьба чеченской нефти. Если ее не удалось «чеченизировать» при Путине, то вряд ли его преемник окажется более покладистым. Наконец, вопрос о восстановлении разобранной и по кускам разворованной нефтеперерабатывающей промышленности вообще не стоит. В долговременной перспективе речь может идти не о реконструкции экономики, но о создании ее заново. Но финансовых средств недостаточно. Москва прижимиста. Не хватает и кадров. Можно, конечно, позвать специалистов со стороны. Тем более что в политике Кадырова заложена идея возвращения бежавших из Чечни русских. Но в данном случае речь идет не об этнической, а о профессиональной составляющей. До отмеченной в «Концепции государственной национальной политики Чеченской Республики» необходимости «создания особой экономической зоны в Чечне» дело также скорее всего не дойдет. Федеральная власть не захочет получить на свою голову еще одну «черную финансовую дыру».

Кадырову отпущен не столь уж большой кредит времени. Люди, которые в начальный период восстановления радовались малому, постепенно начнут требовать большего. И молодой лидер всякий раз должен будет эти растущие запросы удовлетворять. Рамзан – заложник своих первых успехов. По мановению волшебной палочки можно построить дом, даже улицу, но для сотворения устойчивой экономики нужно нечто большее. И насколько хватит терпения у чеченцев, сказать трудно.

При Кадырове усиливается влияние традиции. Прежде всего он обратился к исламу. Например, в упомянутой «Концепции...» в главе, посвященной развитию духовной сферы, пять пунктов из 12 посвящены исламу. Рамзан утверждает, что «человек если не верит – это опасный человек», а «враг ислама», по его словам, тождествен «врагу народа». Перед чеченским муфтием поставлена задача расширить влияние традиционного кавказского ислама. Такой ислам должен противостоять исламу чужому, заимствованному с Ближнего Востока, именуемому ваххабитским или просто «арабским». В возрождении традиционного ислама власть видит один из важных факторов стабильности в обществе, сохранения его иден-

тичности. Следование традиции не ограничивается только апелляцией к религии. Кадыров выступил с предложением закрыть детские дома, ибо в большой чеченской семье не может быть беспризорных: «Мы чеченцы, а по нашим обычаям категорически запрещается отдавать детей или стариков в приюты». Детей сирот обяжут брать к себе родственники независимо от степени родства. Планируется улучшить преподавание в школах чеченского языка и обучать на нем подрастающее поколение.

Но, с другой стороны, ретрадиционализация общества – процесс далеко не однозначный. Например, он подразумевает жесткое соблюдение исламского кода поведения, шариатских запретов. Кадыров выступает за легализацию многоженства, что, по его мнению, должно компенсировать гибель в ходе двух войн молодых мужчин (кстати, за полигамию ратуют политики и в других северокавказских республиках).

В Чечне активизируется структура вирдов – по определению чеченского исламоведа В. Акаева, религиозных групп, из которых складываются тарикаты (суфийские братства) Накшбандий и Кадырийя. Еще несколько лет назад вирдовую структуру дружно провозглашали архаизмом, не имевшим шансов на реанимацию. Теперь же, во многом благодаря усилиям Кадырова, она возрождается. Правда, речь идет преимущественно об одном вирде – кунтахаджийском, к которому принадлежит кадыровский клан. Упорство и религиозно-политическое рвение членов этого вирда, а также их поддержка со стороны руководства республики вызывает недовольство у представителей других религиозных групп, считающих себя обойденными при распределении ролей в политическом и духовном процессе внутри чеченского общества.

Ислам становится дополнительным средством политического контроля над обществом, что по понятным причинам не соответствует представлениям значительной части чеченцев, выросших в секулярной среде, для которых растущий акцент на религию становится раздражителем. При всем своем пиетете перед традицией Кадыров относится к ней инструментально и осознает опасность ее тотальной абсолютизации. Так, он решительно пресекает кровную месть, что, впрочем, в личных интересах президента, поскольку за годы войны и борьбы за власть он сам обзавелся кровниками. Избавляясь от этой традиции, Кадыров одновременно возрождает другую – уважение к старикам. Она была утрачена в годы войны, главными действующими лицами которой были молодые муджахеды.

ды. Авторитет старших обесценился. Теперь же молодой лидер вспомнил об аксакалах и обратился к ним с просьбой стать посредниками между конфликтующими сторонами, чтобы предупредить взаимную вражду.

Несколько слов о внешнеполитическом аспекте нынешней ситуации в Чечне. Здесь я отступлю от стиля брифинга – «с одной стороны... с другой стороны...» – и просто констатирую некоторые факты. Москва победила сепаратизм. Пусть и экстравагантно, но реализовала призыв из-за рубежа сесть за стол переговоров с мятежниками. По большому счету так ли уж важно, кто оказался путинским «собеседником» – объявивший джихад России бывший дудаевский муфтий или бывший артист Грозненского драматического театра Ахмед Закаев. Путин и Кадыров выиграли «чеченский раунд» у зарубежных оппонентов. Разговоры о независимости Чечни выглядят анахронизмом. Чеченская оппозиция в эмиграции не представляет собой политической силы. К тому же никто никогда всерьез и не просчитывал, что было бы, если бы Москва признала сепаратистов. И что представляла бы собой независимая Чеченская Республика Ичкерия? Победа в войне, несмотря на методы ее ведения, в конечном счете повысила авторитет Центра в глазах российского общества, притушила амбиции глав некоторых субъектов Российской Федерации, а заодно и соседей по ближнему зарубежью. О постепенном забвении чеченского конфликта свидетельствует и объявление Сочи столицей Олимпиады-2014. В качестве субъекта Федерации Чечня постепенно налаживает связи с мусульманскими странами. И, похоже, «исламизатор» Рамзан Кадыров способен добиться от мусульманского мира большего, чем Джохар Дудаев и Аслан Масхадов, в свое время справедливо сетовавшие на вялость исламской солидарности.

Покойный Ахмад Кадыров, отец Рамзана, говорил, что для разрешения конфликта в Чечне и окончательного установления мира потребуется 20 лет. Мир наступил раньше. Но он все еще хрупок.

*«Московский центр Карнеги. Брифинг»,
М., 2007 г., т. 9, вып. 3, с. 2–7.*